

ствіе, но затѣмъ сознаеть, что Вронскій составляетъ единственный интересъ ея жизни.

Л. Толстой наглядно показываетъ на Карениной, какъ женщина, до тѣхъ поръ спокойная и тактичная, подъ вліяніемъ сильнаго увлеченія дѣлаетъ безтактности и промахи. Одинъ изъ подобныхъ промаховъ замѣчается мужемъ, который одинъ только не знаетъ объ увлеченіи Анны. Въ обществѣ, конечно, это было секретомъ полипинеля. Пріятельницы Анны, не прощавшія ей ея былую безупречность и неприступность, ждали только случая, когда общественное мнѣніе подтвердится, т.-е. когда ея измѣна мужу не будетъ подлежать сомнѣнію, чтобы вылить на нее все свое презрѣніе.

Мужъ, „чуждый ревнивыхъ подозрѣній“, предупреждаетъ ее, что „она по легкомыслію и неосмотрительности подаетъ поводъ въ обществѣ говорить о себѣ“.

Анна въ отвѣтъ на это предостереженіе дѣлаетъ удивленное лицо и, какъ будто не придавая никакого значенія словамъ мужа, заявляетъ, что „она рѣшительно не понимаетъ, о чёмъ онъ говоритъ“. „Она чувствуетъ себя одѣтою въ непроницаемую броню лжи“.

На всѣ попытки мужа вызвать ее на объясненіе, Анна отвѣчаетъ веселымъ недоумѣніемъ и попрежнему вездѣ встрѣчается съ Вронскимъ. „Духъ зла и обмана овладѣлъ ею вполнѣ“. Мужа она не жалѣть и не вдумывается въ состояніе его души.